

А

Сомов О. М. Мои мысли о замечаниях г. Мих. Дмитриева на комедию "Горе от ума" и о характере Чацкого // А. С. Грибоедов в русской критике: Сборник ст. / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. -- М.: Гослитиздат, 1958. -- С. 18--27.

<http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/krit/krit04.htm>

О. М. Сомов

**МОИ МЫСЛИ О ЗАМЕЧАНИЯХ г. МИХ. ДМИТРИЕВА
НА КОМЕДИЮ "ГОРЕ ОТ УМА" И О ХАРАКТЕРЕ ЧАЦКОГО**

Чтобы иметь ключ ко многим литературным истинам нашего времени, надобно знать не теорию словесности, а сии отношения!

М. Дмитриев ("Вестник Европы", 1825, No 6, стр. 110)

Привожу эти слова вместо эпиграфа только потому, что они некоторым образом бросают свет на многие места замечаний сочинителя на комедию "Горе от ума" и дают право если не говорить положительно, то по крайней мере догадываться о причинах, по которым он находил посредственным и даже дурным то, что истинно хорошо и всем нравится. И как это принять иначе? Если отнести резкие и безотчетные суждения г. Дмитриева на счет его вкуса, то прежние его критики служат тому опровержением. Скрепя сердце и с печальным предчувствием вспоминаю последние стихи одной из последних басен Крылова:

Ну, как не понимать!
Да плакать мне какая статья:
Ведь я не этого прихода.

Неужели у нас, в литературном быту, никогда не будет общего, единодушного и единогласного признания хорошего за хорошее и дурного за дурное? Неужели одна половина литераторов всегда будет расценивать без пощады хорошее за то только, что другая, противная ей половина, нашла его хорошим? Что ж будет с теми из читателей, которые, по словам самого г. Дмитриева, *безусловно верят журналисту*, прибавим: и всему печатному. Когда ж составитсЯ общее мнение, которое очищает вкус народа и способствует просвещению века?

Я это говорю потому, что дело идет не о каком-нибудь эфемерном сочинении, не о мелких стишках мелких стихотворцев. Комедия "Горе от ума" выходит из категории тех произведений, которые мы условно называем *прекрасным литературным подарком* и безусловно вносим в *образцовые сочинения*. Чтобы рассматривать ее с настоящей точки зрения, должно откинуть пристрастие духа партий и литературное староверство. Сочинитель ее не шел и, как видно, не хотел идти тою дорогою, которую углаживали и, наконец, истоптали комические писатели, от Мольера до Пирона и наших времен. Посему обыкновенная французская мерка не придется по его комедии,¹ здесь нет ни плута слуги, около которого вьется вся интрига, нет ни *jeune premier*, ни *grande coquette*, ни *pe?re noble*, ни *raisonneur*,² словом, ни одного сколка с тех лиц, которых полное число служит во французских театрах уставом для набора театральной челяди. В первом явлении первого действия не выведены слуга и служанка или два другие из действующих лиц, чтоб высказывать зрителям или читателям характеры главных лиц комедии и, вместе с тем, сообщить наперед, в чем состоит завязка пьесы. Здесь характеры узнаются, и завязка разворачивается в самом действии; ничто не подготовлено, но все обдуманно и взвешено, с удивительным расчетом. -- Не следуя ра ходом целой комедии до самой развязки, я должен ограничиться тем, над чем г. Дмитриев произнес строгий свой суд, а именно отрывками, помещенными в "Русской Талии".

Из этих отрывков г. Дмитриев выводит общее заключение о характере главного действующего лица -- Чацкого. "Г. Грибоедов, -- говорит он, -- хотел представить умного и образованного человека, который не нравится обществу людей необразованных. Если бы комик исполнил сию мысль, то характер Чацкого был бы занимателен, окружающие его лица -- смешны, а вся картина забавна и поучительна!" --